

Иван Годинович

Во том-то во городи во Киёви,
У ласкова князя Владимира,
Завелся, завелся почестен пир.
А й вси на пиру наедалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто ведь хваста отцом-матушкой,
А иной ведь хваста молодой женой.
Испроговорит Владимир князь стольно-киевской:

10. «А й вси-ль добры молодцы споженены,
Вси девушки замуж повиданы,
Один-то един добрый молодец
Холост ходил, не женат гулял —
Иванушко Годинович».

А й спроговорит Иванушко Годинович:
«А й, свет государь, ты мой дядюшка!
У меня есть невеста поприбрана,
Поприбрана невеста во Киёви,
Во Киёви невеста, во Чернигови,

20. У Митрея, князя богатого.
А й всим-то Настасьюшка добрым добра,
Телом Настасья как снег бела,
Походочка у ёй ведь павлиная,
А й тиха речь лебединая!
А й брови ты у ёй черна соболя,
Глаза-ты у ёй ясна сокола,
А й личико у ёй ведь как маков цвет».
Испроговорит Владимир князь стольнѣ-киевской:

220

«А й же ты, Иванушко Годинович!

30. Чего ль тебе ведь все надобно?
Города ль тебе наб с пригородками,
Аль несчетной тебе надо золотой казны,
Аль силы-войска тебе надо великого?»
Испроговорит Иванушко Годинович:
«Владимир князь стольнѣ-киевской,
Свет-государь ты мой дядюшка!
Ницѣго ведь мне-ка не надобно.
Не надо городов с пригородками,
Не надо силы-войска великого,
Не надо несчетной золотой казны,
40. А й только дай-ко-сь три молодца что ни лучших,
Что ни лучших, перебранных:

- Во-первых старого казака Илью Муромца,
А й во-других Исака Петровича,
А й во-третьих Алёшу Поповича».
А й видли добрых молодцов сядучи,
Не видли удалых поедучи.
Во чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, пыль столбом валит,
50. Не путем-то едут, не дорогою,
Через башню едут треугольную.
Скакали кони через стену городовую,
Приезжали во тот ли во Чернигов-град
Ко Митрею, князю богатому,
А й ко той ко полаты белокаменной,
А й ко тым крыльцам ко точёным;
А й вязали добрых коней
Ко тым ко кольцам золоченым,
А идут во полату белокаменну,
60. А й крест-то кладут по-писа́ному,
Поклон тот ведут по-уценому.
«А й здравствуйте вси купцы, вси боя́ра,
Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею князю со княгиною
В особину низко кланялись.
Говорит тут Митрей, князь богатый:
«Цёго пришли, гостюшки небывалыи,
Небывалыи гости, неезжалыи?
Садитесь-кось вы хлеба-соли покушати,
Белых лебедей все порушати».
70. Испроговоят добры молодцы:

«Митрей, князь богатые,
Мы не хлеба-соли пришли кушати,
Не белых лебедей мы всё рушати,
Мы пришли-зашли об староем деле, об сватовстве,
А й сватать Настасьи Митриёвичной,
За того ль за Ивана Годиновича».
Говорит тут Митрей, князь богатые:
«А й же вы, добры молодцы!
За три годы́ Настасьюшка просватана
Во тую ль во землю во неверную,
За того ль за царица за Кощерица».
Испроговоят добры молодцы:
«Митрей, князь богатые!
Ты волей не дашь — мы боём возьмём».

- Испроговорит Настасья Митрёвична:
«Свет-государь, ты мой батюшко,
Митрей, князь богатыя,
Я не йду ведь во землю неверную,
90. За того ль за царища за Кощерища,
Я иду за Ивана Годиновича».
А й брали Настасью добры молодцы.
Иванушка Годинович
А й брал он ведь за белы руки,
За белы руки, злачены перстни,
А й водил ведь во церковь во божьюю,
А й садились в карету золоченую.
А й видли добрых мо́лодцев сядучи,
Не видли удалых поедучи —
100. Во чистом поли одна пыль стоит.
На пути им попало три следочика:
А й первый следочек — лева́-зверя,
А й другой следочек — лани белые,
А й третий следочек — черна соболя.
Говорит тут Иванушка Годиновец:
«Старый казак Илья Муромец!
Поди-тко-сь ты за левом-зверём.
Достань-ко-сь ты ведь лева́-зверя,
А й дедушки все ведь в подарочках.
110. А й Исак Петровинец!
Поди-тко за ланью за белые.
Достанько-сь ты ведь лани белые,
А й дедушки все ведь в подарочках.
Алеша Поповинец!

- Поди-тко за черным за сободем.
Достань-ко ты черна соболя,
А й дедушки все ведь в подарочках».
А й остался один добрый молодец,
Иванушко ведь Годинович.
120. А й сам роскинул он бёл шатер,
А й стал с Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалоси,
А й едет царище Кощерицо,
Крычит покриком богатырским,
Свистит по́свистом соловьиным,
А й сам на словах выговариват:
«А й же ты, Иванушко Годинович!
Съешь мое мясо — подавишься!»

- А й серым волкам всё на воёниё».
 Говорит тут царицо Коцерицо:
 «А й же ты, Настасья Митриёвична!
 Не подай ножичища-кинжалища.
 Как за им ведь будешь жить —
 Будешь слыть бабой простомы́вные,
 Будешь старому, малому кланяться.
 А й за мной ведь будешь жить —
180. Будешь слыть царицей вековечной,
 Будет старый, ведь малый те кланяться».
 А й у бабы волос долог — ум короток.
 Выскакиваё Настасья из бела шатра,
 А й хватае Ивана Годиновича за желты кудри,
 А й сбивает Иванушко Годиновича о сыру землю.
 А й привязали Иванушко Годиновича
 Ко тому ли его ко сыру дубу,
 А й той ли ёго всё кувыль травой,
 А й сами свалились во бел шатер.
190. Мало времечко миновалоси,
 Прилетели три сизых, три малых, три голубя,
 А й друг промеж другом спрогуркнули:
 «За что эта головушка привязана,
 Привязана головушка, прикована?
 Ради девки, ради б..., ради сводницы,
 Ради сводницы, всё душегубницы».
 Эта речь-то татарину не влюбиласи,
 Выскакивает татарин из бела шатра,
 Вытягивае у Ивана Годиновича
200. С колчана у его как ведь тугой лук.

А й берёт у его калену стрелу,
 А й тугой лук он натягиват,
 Калену стрелу все направливат,
 А й хочет стрéлить сизых малых голубов.
 Иванушко Годинович у сыра дуба приговариват:
 «Уж ты, батюшка мой тугой лук,
 Уж ты, матушка калена стрела,
 Не пади-ко, стрела, ты ни на воду,
 Не пади-ко, стрела, ты ни на гору,
 Не пади-ко, стрела, ты ни в сырой дуб,
 Не стрели сизых малых голубов;
 Обвернись, стрела, в груди татарскийи,
 Во татарскийи груди, во царскийи,
 А й вырви-ко сердце со печенью,

- Добрим людишкам на сгяжениё,
 А й старым старухам на роптанье,
 Черным воронам всё на граяньё,
 А й серым волкам всё на воёнью».
220. А й не пала стрела ведь ни на́ воду,
 А й не пала стрела ведь ни на́ гору,
 А й не пала стрела ведь ни в сырой дуб,
 Не стрелила сизых малых голубов —
 Обернулась стрела в груди татарскийи,
 А й в татарскийи груди, во царскийи,
 А й вырвала сердце со печенью,
 Добрим людишкам на сгяжёнью,
 А й старым старухам на роптаниё,
 Черным воронам всё на граяньё,
230. А й серым волкам всё на воёнью.
 А й тут-то Настасьюшка заплакала:
 «Я от бережка откачнулась,
 Я ко дру́тому не прикачнулась».
 Испроговорит Иванушко Годинович:
 «Отвяжи-ко, Настасья́ Митриёвична,
 От того ли меня от сыра дуба».
 Говорит Настасья таково слово:
 «А й же ты, Иванушко Годинович!
 Отвязала бы я тя от сыра дуба,
240. А й будешь ты меня всё бити-мучити».
 Говорит тут Иванушко Годинович:
 «А й же ты, Настасья Митриёвична,
 Я не буду тебя бити-мучити,
- Только дам три науки молодецкии,
 Молодецкиих науки, княженецкиих».
 Эта речь-то Настасье не влюбиласи,
 А й выскакиваёт из бела шатра,
 А й на тую ль на площадь дуброву зеленую,
 А й берёт в руки́ саблю вострую.
250. А й в замах держит на Иванушко Годиновича.
 А й хочет у него отсечь прочь буйну голову.
 А й богатырско сердце разгорелоси,
 Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
 Сырой дуб к зени́ приклоняется,
 Сам весь в штильци прищербается.
 Отходил Иванушко Годинович
 На свою́ волю от сыра дуба,
 И хватае Настасьюшку за желту косу,

- Сбивае Настасью о сыру землю.
260. Отсек у ней губы ведь как с носом прочь:
«Этых мест мне не надобно,
Этима местамы нещастливым целоваласи».
Копал глаза со косицями:
«Этых мест мне не надобно,
Этима местамы нещастливым смотреласи».
Отсек у ей руки по локотам прочь:
«Этых мест мне не надобно,
Этима местамы нещастливым обнималаси».
Отсек у ней ноги по колено прочь:
270. «Этых мест мне не надобно,
Этыма местамы нещастливым заплеталаси».
А й только Иванушка женат бывал,
А й женат бывал, он со женой сыпал.
А й скоро женился, да не с ким спать.